

20.06.79

Мастера флотской сцены

"Страны Великих", 7. Календарь

Театр — его жизнь

сыграть роль Ивана Грозного. Познакомился он с Иваном Семеновичем и говорит:

— Я хочу такую декорацию в первом акте, чтобы долго-долго идти к авансцене. А как дойду, стукну посохом об пол, чтоб — аплодисменты. Вот тогда ты — настоящий художник.

В театре бывают случаи, когда условия художнику диктует актер. Но как сделать так, чтобы актер шел к авансцене долго-долго, если вся рабочая часть сцены всего шесть метров? Убрал задник, прибавилось два метра. Мало. Пробил стену и сделал вне театра деревянную пристройку. Прибавилось еще шесть метров. Но чтобы создать зрительную перспективу, следовало арки свода делать меньше и меньше. Так что артисту пришлось бы входить под первую согнувшись. «Ничего, — говорил артист. — Ничего, что согнувшись и с зимней улицы входить. Лишь бы после того, как стукну посохом, — аплодисменты. Не будет аплодисментов — никакой ты не художник».

А случилось неожиданное. Едва раскрылся занавес, Иван Грозный еще не появился, а в зале — буря аплодисментов. Художнику.

Прибежал товарищ, шепчет: «Александр Григорьевич расстроился, плачет, говорит — все пропало. Кто же хлопать станет во второй раз после посоха...».

Но вот вышел артист. И шел он медленно и долго-долго, словно бы из глубины веков шел. Дошел до авансцены, ударил посохом об пол — и вновь грянули аплодисменты. Теперь уже — артисту.

Эскиз к этому спектаклю действительно производит незабываемое впечатление. Выполнен он в кроваво-алом колорите, с русской росписью по сводам, и хотя в Кремле нет такой впечатляющей анфилады арок, художественная правда каким-то чудом создает образ древних царских палат.

— Сейчас работаю над эскизами к новому спектаклю народного театра, — говорит Иван Семенович, — но показывать рано. Надо еще подумать.

Он считает, что народный театр Таллинского Дома офицеров не уступает по своему отношению к делу хорошему профессиональному театру, а поэтому оформление его спектаклей должно быть соответственным.

А вообще это замечательно, что под знамена флотского народного театра становятся именитые мастера сцены. Значит, явятся балтийцам новые хорошие спектакли и образ нашей героической эпохи отразится в них взволнованно и ярко.

М. КАШНИКОВ.

«Дело человеком ставится, человек делом славится» — эта русская пословица припомнилась мне в минуты знакомства с книгой отзывов о выставке эскизов к спектаклям театрального художника заслуженного деятеля искусств РСФСР Ивана Семеновича Григорьева. В ней было столько восторженных отзывов, столько благодарностей в адрес Ивана Семеновича, словно все, кто их высказал, задались целью повторить слово «спасибо» по крайней мере тысячу раз. Поразительное единодушие объяснялось самой выставкой. Размещалась она на втором этаже Таллинского Дома офицеров, по обеим сторонам просторного коридора, и была в самом деле явлением незаурядным. Даже для столицы Эстонии.

Персональные выставки организуются не так уж часто. А театральные художники выступают с ними и вовсе редко. Объясняется это тем, что настоящая работа театрального художника видна в полной мере лишь в спектакле. Нужно очень верить в образное видение и мышление театралов разных поколений, чтобы решиться вынести на их суд работы, уменьшенные до миниатюры. Иван Семенович решил. И не ошибся в своем доверии к зрителям. Они сумели увидеть и оценить главное — умение художника выразить декорацией и костюмами дух и образ эпохи, которой посвящался спектакль. А их за творческую жизнь Ивана Семеновича поставлено много. И эпохи представлены от В. Шекспира и А. Островского до М. Светлова и А. Вампилова.

Нашли место на выставке эскизы и к последним спектаклям, поставленным народным театром Таллинского Дома офицеров, — «Двадцать лет спустя» М. Светлова и «Барабанщица» А. Салынского. Тем, кто побывал на этих спектаклях, особенно хорошо видно, как скрупулезен и глубок труд художника над эскизами. В сущности, они полностью перенесены на сцену.

— Мало сказать — перенесены, — заметила по этому поводу главный режиссер театра Нина Николаевна Попова. — Они предлагают всему коллективу театра образное решение спектаклей, их эмоциональное содержание. С Иваном Семеновичем легко и приятно работать. И интересно. У него есть чему поучиться. Вот уж, кажется, все го-

тово. Ни убавить, ни прибавить. А он ищет самую выразительную деталь. И, представьте, находит!

Такой детально в спектакле «Двадцать лет спустя» стал плакат красноармейца на суперзанавесе, а в «Барабанщице» — скрученные взрывом перила уходящей вверх лестницы. Приметы гражданской и Великой Отечественной войн схвачены острым, наблюдательным глазом и бережно перенесены на сцену. Даже тем, для кого борьба за утверждение и защиту Советской власти — история, эти детали говорят много и безошибочно вызывают соответствующие замыслу ассоциации.

Иван Семенович пришел в народный театр Таллинского Дома офицеров немногим более двух лет назад, будучи уже персональным пенсионером.

Но ничего пенсионного в нем нет. Взгляд быстр и цепок, рука тверда, походка мягка и стремительна. Кроме оформления спектаклей, Григорьев выполняет многие другие художественные работы в Доме офицеров. Такой характер. Кого коснулся разрушительный вихрь войны, тот не может не быть созидателем.

Действительная служба Ивана Семеновича заканчивалась, когда гитлеровцы напали на нашу страну. Мечта его вновь вернуться в театр отодвинулась на годы.

Военная специальность у него была довольно редкая. Он относился к рядовым инженерной разведки. Когда наши отступали, инженерной разведке полагалось выяснять, все ли мосты взорваны; когда наступали, сидел он в самолете-разведчике с картой и помечал в ней, где целы мосты и железные дороги, а где — разбиты. Эти данные были необходимы командованию.

За самолетом-разведчиком всегда с особой яростью охотились фашистские зенитники и истребители. Ивану Семеновичу и сегодня сняты дымные клубы зенитных разрывов и близкие молнии трассирующих снарядов. Впрочем, он говорит о них не любит. А вот об эскизе к спектаклю «Смерть Ивана Грозного» вспоминает охотно.

После войны большой популярностью пользовался талантливый артист Одесского областного драматического театра Александр Григорьевич Чиниджанс. Его и пригласили